

Лама киберников Варзай

В те далёкие годы довелось мне небывалыми судьбами путешествовать по Тибету. В один из тех давнишних дней карабкался я на вершину одной неизвестной горы. Карабканье давалось нелегко, всё тело закованевало, поэтому бутербродно-костёрочные привалы случались чуть ли не каждые пять минут. Моим верным спутником в путешествии был верблюженок Чхуня - не вполне подходящее для горных кражей транспортное средство, зато весьма высокообразованный рассказчик и советчик, получивший помимо четырёх высших степеней отличия еще три степени специализации и степень доктора антропологии.

Чхуня беспрестанно пел весёлые песенки пустынных кораблей и был всегда рад предоставить ко сну пушистый шерстистый тёплый бок, столь кстати приходящийся в условиях высокогорных морозных ночей. На вершине горы оказался практически микроскопический домик шатрового типа, да еще и ветер, всераздолно разгуливающий от одной вершины горы к другой вершине горы. Я остановился, вдохновлённый изумительным видом безраздельного моря, плескавшегося на самом пике горы, доставая прохладными волнами мне до щиколотки. От моря настолько сильно пахло солёным бризом и веяло тёплой влажной свежестью, что я незамедлительно разделся и нырнул. Дна у моря не оказалось. Когда я доплыл до того места, где, по моим подсчётам, должно уже было находиться дно, вода неожиданно расступилась, и я чуть было не улетел вверх тормашками навстречу проплывающим снизу облакам. К счастью, тяга воды оказалась сильнее, и я, ухватившись за кусочек моря, принялся подниматься от нижнего предела к верхней глади обширного пространства вод.

Оказалось, что и верблюды мой зря времени не терял и сопровождал меня даже в подводном путешествии. На его раздувшихся от глубокого вдоха боках виднелись синеватыми пучеглазиками звонкие блюдца иллюминаторов. Сквозь их полузапотевшую внутренность блестящей поверхности проглядывали жирные лица престарело лысеющих пассажиров. Когда я поднялся вверх и, прыгая на одной ноге, принялся в спешном порядке одеваться, стараясь найти спасение от пронизывающих потоков ледяного ветра, Чхуня постепенно сдувался, словно проткнутый шарик исходную форму и внешний вид. Его усы особенно эффектно вертели завитушками в блеске полуденного солнца. Мы посоветались и приняли единоголасное совместное решение

постучаться в непонятный шатёр, раскинувшийся сахарной головой на самом пике горы.

Условно прогрохотав в плотно-древянистую, похожую а крышечку рюкзака, импровизированную дверь шатра, вырезанную, по-видимому, в стародавние времена искусным резчиком из гнутого куска дубовой коры, мы стали ждать, какое же чудо-юдо изволит выйти нам навстречу из обветренных глубин шатра. Но к вящему удивлению, к нам никто не вышел. Подождав пару минут тогда, мы с Чхуней толкнули дверь - и она поддалась с толкущимися вибрациями ржавых дребезжаний. Внутри шатёр оказался залит ярко-переливчатым сиянием, бултыхающимся, как сваренное в мешочек яйцо, разбиваемое в брызги гоголя-моголя, или пленённая медуза в тесном аквариуме продымлённого океанариума в одном из тех западных мегаполисов, людям которых вид антидепрессантов и капсул от геморроя привычнее пасторальных загородных пейзажей, утопающих в волнуемом океане смарагдово-малахитовых трав.

В обнаруженном нами шатре курились вдоль стен в специально сооружённых подставках несколько десятков разновидностей всевозможных благовоний, горели свечи, лампы и керосиновые лампы, бликами искажая пламя теней на матерчатой внутренней поверхности шатра, пестревшей крутящимися завитками изображений многообразных вариаций тибетских узоров, а на полу лежали столь же ярко-пёстрые, как фейерверковые всполохи конфетти, меняющие форму в своей фрактальной бархатистости, пушисто-утеплённые ковры, всегда готовые утопающе принять в свои объятия уставшие стопы высокогорных путешественников.

Рисунок на коврах не был статичен - нет, он действительно постоянно растекался и преображался, приобретая черты от до боли знакомых, но весьма мало осознаваемых, до настолько же чуждых, точно маятник понятности для восприятия этих ковров безостановочно пребывал в движении вместе с теми узорчатыми чертами поверхности, которые этот маятник выражал. Было абсолютно неясно, какое инопланетное создание или сознание могло породить столь сложные и многомудрые переплетения красок, линий, полутонов и оттенков теней. Посреди всей этой волшебной великоцветной калейдоскопии сидел старец, точно бы выструганный из чёрного дерева.

Когда я подошёл поближе, то понял, что так и есть, и глаза меня не обманывали: старец и впрямь был чрезмерно деревянный. Несмотря на это, он вдруг приткрыл глаза и принялся приподниматься,

одновременно протяжно проговаривая скрипуче-несмазанным и как бы расхлябанным голосом рассохшейся телеги: “К чему вы пожаловали сюда, странники?” Верблюжонок Чхуня, на сей чудный миг бывший разодетым в полосато-клетчатый костюм, снял своим шероховато-клейким язычком шляпу и весьма так учтиво раскланялся пред очами ожившей и самоодухотворившейся древесной вечности.

- Нам бы согреться, да переночевать где, о мудрейший! - прозвенел ржаво-ворсистый голосок всклокоченного от горного ветра Чхуни.

Совершенно непозволительно было бы не отметить, что старец выглядел просто поразительно: мало того, что он и впрямь был тёмно-деревянным, так и вся его одежда пооблупилась, а ведь некогда она, расписанная многомудрым узором свойства эзотерического в мере, отнюдь не меньшей, чем весь уходивший над головой кокосовой полусферой ввысь шатёр, перекатывалась красочностью масляных волн, точно незримый ветер тибетских энергий оставлял на поверхности минеральных красок свою дифракционно-алгоритмическую рябь. Сейчас же эта, кудряшками иссохшаяся вверх ветошь, казалось, была пропитана пылью времён многовековой давности.

Но старец тут проскрипел: “Имя моей вневременности - Варзай, и как гостеприимный хозяин, я просто обязан принять вас с волшебным верблюдом в своей вершинной обители снежных гор. Лишь скажу, что миг вашего мира мне слишком чужд, родом я отнюдь не из здешних мест и не из здешних же времён, и оттого тело моё обречено принимать здесь столь уродливые формы. Я ведь весь, до последнего сучка, пропах дымом благовоний из Непала. А что мне ещё остаётся, как не коптиться, попитываясь ароматическими смолами, чтоб древесина моя меня не подвела б, не сгнила бы в светящийся в ночи пенёк здесь, среди властвующих бурь и гуляющих семи ветров? Поэтому позвольте приютить вас в таинстве истинного покоя моей Реальности.”

Честно говоря, я был настолько измотан долгим подъёмом по наклонной поверхности и непрерывной болтовнёй верблюжёнка, что согласился бы на всё, лишь бы, хоть ненадолго, хоть на пару часиков, отдохнуть в уютных и тёплых покоях. Но фортуна на сей раз уготовила мне нечто иное, к превеличайшему нашему с Чхуней сожалению. Когда я кивнул головой, соглашаясь с предложением гостеприимного старца, тот со скрежетом приподнялся и принялся светиться изнутри, точно напичканный исторгающим альфа-частицы изотопом какого-нибудь элемента, хранимого, будто зеницу ока, тайными милитаристами где-то в бетонных бункерах глубоко под землёй. Вдоволь наскрипевшись суставами, этот доживший до почтенных лет

потомок Буратинки, взял в обе руки-клюки две ритуальные чаши, наполненные таинственного свойства содержимым, от которого стоял, довлел и распространялся столь горьковато-терпкий запах горных и тропических трав, что порождал зуд и щекотку в носу даже сквозь белесо-приведенчатую пелену смога раскуруившихся вдоволь благовоний.

Старик, мудрёно нахмутив брови, попросил нас с верблюжонком испить варево, явственно напоминающее непередаваемым ароматом и вкусом полоскание для горла. Далее хозяин шатра посоветовал незамедлительно следовать за ним. Травянистый напиток оказался столь горяч, точно был разогрет специально заранее к нашему приходу, будто бы приход сей был уже заранее известен и предопределён - впрочем, никто не исключал и такой вариант. Ещё, надобно отметить, что отвар, и действительно, был крайне и крайне горьким. Варзай последовал в подвал, и мы пошли следом за ним по узким, гулким каменистым ступеням, вырубленным в многосотвековом граните вечного, незыблемого и вневременного Тибета. В подвале стоял полумрак, и лишь весь пол был залит ярко флуоресцирующей водой.

- Теперь вы должны с разбегу прыгнуть в Море Чувств. - стрёкотно прошептал Варзай, указав рукой на светящуюся воду. Чхуня разогнался на своих сугубо горных лыжах и, вспыхнув сущим ультрафиолетовым сиянием, в мгновение ока исчез. После верблюжонка в воду последовал уже деревянный хозяин шатра, цепко ухватившись за запястье моей руки. Последовала очень уж кратковременная вспышка, за которой пришло понимание того, что я нахожусь в очень и очень странном положении: у меня над головой нависала громадным камушком земная поверхность, росли травы, деревья, зато от гор не осталось даже ннамёка, а под ногами клубился густой до тотальной непроницаемости удивительно плотный мягко подсвеченный изнутри туман.

Было такое ощущение, будто бы мы, все втроём, стояли вниз головой на брюшке грозового облака.

- Теперь просто смотрите на на переливчатые потоки рек над головой, позвольте им унести себя туда, куда веретено вод пожелает унести вас. - неторопливо и умеренно проговорил Варзай. Я разместился на облаке лёжи и принялся вместе с рекой плыть по течению своих мыслей, перекатывающихся, точно по полю, эмоций и меняющих форму ощущений, коих ни подсчитать и ни назвать было невозможно абсолютно. Очень скоро я понял, что мысли в моей голове больше не складывались в слова, а обращались прямиком в абстрактное понимание суги вещей и ощущаемых явлений.

Ещё через некоторое время разум, словно бы на секунду, стал бесформенным настолько, что отказался даже от осознания собственной природы, раскрывшись от бесконечности слияния всех вещей во Вселенной и, достигнув предела ясности, помутился, уйдя в сферы непознаваемого, лишённого даже малейшей возможности трактовки самости всех тех форм, лежавших за пределом возможности быть воспринятым и осознанным человеческими существами. И впрямь - всё дальнейшее заставило меня рьяно и яро сомневаться в действительности всего происходящего, да и в реалистичности Реальности вообще!

Мы с Чхуней теперь обнаружили себя стоящими посреди плоского утёса высоко над какой-то непроницаемо чёрной долиной. Лама предстал перед нами в весьма урливо искажённом виде кошмарного гротеска: здесь он был крайне долговяз, носил на плечах гигантскую шарообразную голову с хрусталистыми лепестками кристаллических глаз, рот его был мал, напоминая короткий хоботок, зато уши заострялись кверху, как у безродного дворового тьявкующего щенка, зато пальцы вытягивались по бледными кистями рук практически на полметра, а всё его тело в целом было покрыто мелкой клочковато-чешуйчатой шерстью буро-неопрятного вида.

Я оказался здесь ещё более долговяз, чем Лама Варзай, только что ощутив странные и непривычные движения в собственной телесной схеме, вытянувшейся метра на четыре в высоту и приобретшей мои черты, видоизменённые практически до уровня тотальной неузнаваемости. Чхуне повезло отнюдь не больше - он потерял собственный облик ровно настолько же, насколько Варзай потерял здесь свойство деревянности, а это уже значительно. И теперь верблюжонок выглядел просто, как облако громыхающего и электрически вспыхивающего тусклыми отблесками оранжевого тумана.

Окружающее пространство было довольно неприятно на вид: чёрное деревянистое небо фиолетово поблёскивало гнутыми линиями годовых колец, отражавших туманное свечение едва ли видимого в одном легко определимом месте тёмного солнца, сокрее давившего своим видом, чем дававшего чуть различимые искорки цветного света на пепельно-серой бледности камней, покрытых травянистообразными существами, внешне отдалённо напоминающими глубоководные актинии.

До горизонта простиралась болотистая и столь же чёрно-фиолетовая местность, а вокруг путешественников сновали маленькие

добродушного вида полупрозрачные зверьки с довольно забавными округлыми и треугольными головами, желеобразно трясушимися при каждом шаге. Их бело-лунные розетки глаз подслеповато вглядывались в фиолетовый мрак равнины, разгоняя туман царящих вокруг светящихся испарений шуршащими хлопками длинных ресниц, кожа существ была серо-буро-пятнистой, цвета речных водорослей, как у жаб, а обширные воронки их полуоткрытых ртов, через которые со свистом входили и выходили дыхательные потоки тяжёлого воздуха этого мира, были испещрены несколькими рядами шестигранных игольчатых зубов, похожих на змеиные или на зубы глубоководных рыб, довольно-таки ядовитые на вид и всецело антиэстетичные, если бы вообще стоило думать об эстетике и красоте в таком странном месте.

Во всех этих существах, в их броуновском шнырянии под ногами, в бледно-пульсирующей полупрозрачности блеска их тел просматривалось нечто такое, что по внешнему виду роднило чуждых существ с микроскопическими речными рачками - дафниями, за исключением совершенно иного их размера.

- Я - выходец из этого мира, прозванного Карагачом, ибо мир этот подобен полости внутри чёрного дерева. - отстранённо и без малейшего скрипа произнёс старик Варзай. - “Единственное спасение для меня в вашем мире - это такие как вы - вечные скитальцы. Поначалу, я, точно морской удильщик, терпеливо ожидаю на вершине своей горы - и столетия проносятся перед моим взором, и исчезают границы между внутренним и внешним восприятием. А только лишь стоит таким, как вы, попасться на мой крючок - и вот я готов питаться, вобрав в себя всё то, что остаётся от ваших светящихся оболочек при попадании в мою проекцию времени и при нахождении в частотах моего естественного местообитания, которое я вынужден всякий раз собирать для своей добычи, как охотник раскладывает и собирает в лесу ловушки - для своей. Узоры наших уровней реальности похожи, ритмы и диапазоны частот во многом сходятся и близки друг другу, однако они всё же различны, а у каждой из этих проекций есть свои обитатели.

Особенностью Карагача является несомненное проявление в виде древесного материала каждого из существ этого мира, если ему не повезёт оказаться в мире вашем. Но это не столь уж часто происходит, в основном, вы все - всего лишь добыча для нас, мы не держим на вас зла, просто охотимся за вашим светом, которого за пределами Карагача гораздо больше. У нас же светимость - ценный ресурс, никто из моих собратьев по вылазкам не стал бы упускать такую добычу, что сама соблаговлила явиться в наши объятия”, - Варзай принялся грозно

продвигаться в нашу с Чхуней сторону, и по мере того, как он всё более и более приближался, наши с верблюдом контуры принялись постепенно размываться, как бы стираясь из окружающего пространства, превращаясь в размазанные во мрачном и зыбком свете Карагача дымчатые основы.

Одновременно с нами, старик также принялся как-то уж слишком гиперактивно размазываться в пространстве. Он подозвал существ, шнырявших то и дело подле ног и стремившихся вцепиться острыми зубками в подол одежды, а вместе с ними и других, коих прозвал в своём обращении киберниками. Тотчас же со всех сторон на нас налетели со стрёкотом и клёкотом небольшого размера роботята. Их панцири были прочно сбиты и бронебойно экипированы, а крутящиеся механизмы их многообразных и многоформенных конечностей имели на своих вершинах цепкие металлические крючочки. Роста в них было не более тридцати сантиметров, а в верхней части их жестяночных тушек размещались светящиеся оранжеватым светом глаза.

В этот самый момент Чхуня обрёл brutally-дуболомную форму с молотом вместо одной из ног, крутящимися клешнями - вместо других и рокошущей, как титановый сверчок, бензопилой - на месте последней конечности. Дальнейшее было бы не столь уж и сложно предугадать, если бы Лама не вытащил из-под камня странную одутловато-мрачноватую ракушку и не принялся бы её жевать, причмокивая от удовольствия. Тотчас из валившегося старческого рта Варзая принялся раздуваться столь невменяемо крупный пузырь ракушечной жвачки, что Лама киберников оказался полностью внутри пузыря, который, продолжив раздуваться, поглотил также и всех хищных тридцатисантиметровых роботов-помощников, прилепив их к своей пластичной и клейкой, как капли венеринной мухоловки, поверхности.

Тогда мне в голову вдруг пришла просто замечательная мысль: “А чем это я не комар, а?” И тотчас же принялся тянуть к улетающему жвачному шару свой длиннющий кусающийся хоботок. Прицелиться мне было довольно сложно, ведь весь мир размывался и расплывался, однако и выбора у меня не было, и поэтому, поднатужившись и как бы подтянувшись чуть ввысь, я смог притянуть к себе оболочку Ламы киберников Варзая, а затем - с оболочкой - и самого Варзая в его телесном обличье. По моему хоботку заструились лучи энергии из его солнечного сплетения, Лама принялся скукоживаться, точно выдавленный апельсин, напоминая при этом уж скорее мелкий, но от этого не менее противный прыщ бледностью кожных своих покровов.

И спустя лишь пару секунд, прошедших от его протыкания, тончайшая бумажная плёнка его сухой пергаментной поверхности медленно у плавно упала сверху, опустившись на каменистую поверхность подле моих ступней, свернувшись при этом в несколько слоёв, подвальной тусклостью луковой кожицы. Верблюжонок, меж тем, продолжал активно разбираться с повсеместными остатками ещё движущихся и работающих, отливающих оранжеватыми проблесками, киберников.

- Это луч без света. - сказал я. - “Чтобы разрушить его границы, мы должны пресечь грани физических законов Карагача. Ты бы сумел на этот раз даже стать сверхновой здесь, в деревянном небе.”

- Да без проблем! - ответил в последний раз в жизни верблюжонок Чхуня и в следующий же момент яркая вспышка его разросшейся оболочки полностью поглотила меня. Тотчас же. Мгновенно и абсолютно, а уже миг спустя я стоял на вершине той самой горы, где мы с верблюжонком обнаружили шатёр Варзая.

Здесь по-прежнему плескалось в небесах, утопая куда-то в стратосферу, ласковое тибетское море, но уже не было ни шатра, ни моего обожаемого горбатого и болтливого помощника. Карагач забрал его, видимо, навсегда. Кто знает - может, под небом древесного мира и вправду возшла новая фиолетовая звезда. И имя этой новой звезде - Чхуня. Я же, закинув котомку за плечо, неторопливо продолжил свой путь к новой скалистой гряде и к новым приключениям.

*Белоусов Роман,
09 сентября 2012 года.*